

Светлана ЕПИФАНОВА

г. Суоярви,

Республика Карелия

Когда малышка по ступенькам восходила на улицу из магазина, расположенного в подвале дома, солнце пробилось сквозь тучи и осветило её так, что на мгновение она зажмурилась. Вьющиеся волосы вспыхнули ярким золотом: маленькое солнышко сияло на земле — солнышко в провинциальном городке. Но оно вместе с небесным вмиг погасло, как только девочка шуганула долговязого рыжего пса.

А я крикнула: «Девочка, собака даже не посмотрела на тебя, не то чтобы твякнула! Девочка, золотая, любить животных надо!»

В том неожиданном мимолётном сиянии я даже не успела разглядеть её личика. Оно запечатлелось позже, когда девочка, степенно удаляясь, обернулась и под нависшими над ней хмурыми облаками отчеканила: «Ты не имеешь права делать мне замечание!» Лик ангела искадила недоброжелательность, непонятно когда успевшая накопиться в сердечке хрупкого семи-восьмилетнего ребёнка.

На этот удар сердце моё отозвалось болью. В городке, где загажена и изуродована человеком даже природа, способная безвозмездно одаривать своей извечной красотой, родилась и растёт девочка-солнышко с невыносимой тоской в огромных серых глазах.

— Шас отцу пожалуется. Мало вам не покажется, — предупредила поднимавшаяся из магазина полная женщина с такой же, как сама, толстопузой сумкой на колёсиках, из которой выглядывали батон и рыбий хвост.

— Нет у неё никакого отца, и мать где-то юбкой метёт, — осадил её другая — сухошавая, с subtilной чёрной таксой на поводке. — У бабки с дедом на шее сидит.

— Уважаемые, вы полагаете, что её замесили в пробирке? — невпопад расхохотался подросток, лихо выделявавший возле нас пируэты на роликах.

Установившееся утром равновесие в моём сердце вконец нарушилось. На правом виске едва не лопалась жилка от пульсирующей крови.

Пёс, вернувшийся на прежнее место,

привалился к тому же кусту, от которого его только что прогнали, и исподлобья с грустью взирал на людей.

Поднялся ветер. Следом за мальчишкой на роликах, ринувшимся вниз по дороге, он погнал чёрный целлофановый пакет. Исчезла, словно растворилась в воздухе, рыжеволосая, в кудряшках, девочка. Но слова её — «Ты не имеешь права делать мне замечание!» — застряли в моей голове.

В то лето ещё несколько раз девочка попадала в поле моего зрения. Мы сталкивались в самых неожиданных местах, перебрасывались парой фраз и расходились — каждая своей дорогой.

А однажды, возвращаясь с работы позже обычного, я, погруженная в размышления о новом творческом проекте, просто-напросто оторопела, когда передо мной уже возле самого дома словно из-под земли выросла та самая девчушка. Она была в джинсовом костюмчике, несмотря на жару.

— Купи ягоды, — сказала, будто делала мне великое одолжение, и протянула ведёрко из-под майонеза, наполненное спелой малиной. — Сладкие, без зелёных и гнилых.

Я отмахнулась. Мол, не нужна мне малина, собранная в городе, у дороги. А про себя усмехнулась: надо же, предпринимательница!

— Завтра у меня день рождения, а у бабушки денег нет на подарок. Вот я и решила ей помочь! — крикнула она мне в спину, когда я уже подошла к своему подъезду.

Я обернулась, но девчонки и след простыл. «Ладно, куплю завтра что-нибудь и подарю ей, — решила я, чтобы не тратить вечер на самоедство, обвинения себя в эгоизме, невнимании к ближнему. — Ну хоть красивую большую куклу, например, или медведя...» Кукол я обожаю, но квартира моя переполнена мишками, даже стойку для цветов они облюбовали. Хотя, если подумать, детки нынешние предпочитают деньги, поскольку представления взрослых о подарках чаще всего не совпадают с детскими желаниями.

— Что эта непутёвая тебе кричала? — полюбопытствовала стоявшая на крыльце соседка — стареющая дама, принарядившаяся в нелепую фетровую шляпку. Вопросительно взирая на меня, она загродила собой вход.

Отвечать ей не стоило — иначе не отвяжется. Я молча обошла её и скрылась в подъезде.

Ещё одна встреча с девочкой произошла в середине августа, вечером, когда сумерки клонились к ночи и улица отдыхала от звонкоголосой малышни. В лёгком платьице, понуриив медную головку, она сидела рядом с дорогой на траве, у дерева — велосипед. Мимо проносились автомобили, обдавая её пылью и выхлопными газами.

Я бросилась к ней, доставая на всякий случай из сумки мобильник, чтобы вызвать скорую.

— Машина сбила?! С велика упала?! Где болит?!

— Бабушке и дедушке пенсию принесли. Они водки купили и напились. Потом подрались, — растягивая слова, вещала она, будто сказку на ночь рассказывала. — Дедушка выгнал бабушку и закрылся на ключ. Бабушка колотила в дверь руками и ногами. Потом плакала, кричала, что дедушка выпил из неё всю кровь... А мама всё не едет, — детские глаза наполнились влагой, но девочка удержалась — не дала слезам выплеснуться.

Не успела я и слова произнести в утешение, как возле нас появилась зарёванная женщина в халате и домашних тапках. Она подхватила велосипед, стиснула руку девочки и молча потащила её через дорогу к сиявшей освещенными окнами грязно-розовой пятиэтажке.

В последний раз мы с девчонкой виделись в конце августа. С обеда я бежала на работу через лесок, чтобы сократить путь до офиса.

Присев у канавы, в которой дети обычно в начале лета играют с головастиками, а иногда гоняют плавающих там уток, она держала в руках лягушонка и что-то пыталась сделать с ним.

— Привет! — крикнула я, помахав ей рукой, и поинтересовалась, чем она там занимается.

— Корону из фольги вырезала, а она не держится на лягушачьей голове, — сказала девочка и швырнула серебристый символ монархической власти на воду.

— Для лягушки? Корону? Зачем? — удивилась я, переходя к ней по доскам, брошенным через канаву.

— Для царевны-лягушки, — уточнила она серьёзно, затем взглянула на меня недоуменно,

как на человека, не имеющего понятия о самых элементарных вещах. — Есть же среди них хотя бы одна царевна! Когда я училась в первом классе, — затараторила она, — на Новый год мы разучивали сказку «Теремок». Учительница сказала: «Ты будешь лягушкой!» Знаешь, как я расстроилась! Потому что хотела быть Мальвиной — девочкой с голубыми волосами, а не скакать, как дурочка, на четвереньках. Мама успокоила меня, тогда она ещё с нами жила. Она обещала, что я буду не простой лягушкой, а царевной, и сделала мне обалденную короницу! Царевны же, даже если они лягушки, на четвереньках не скачут. Теперь я уже второклассница. Но в эту школу больше не пойду. Мы с мамой уезжаем на Дальний Восток. Там земли и работы завались, и денег немерено. Завтра бабушка повезёт меня в Питер к маме.

— Ну что ж, прощай, золотая девочка, рыжий лягушонок! — потрепала я её кудряшки. — На работу спешу, а так бы ещё поболтали.

— Не рыжая я, — возразила она и, приблизившись ко мне почти вплотную, полушёпотом, чтобы никто больше не узнал её секрета, поведала: — Когда меня укусила собака, мама покрасила мне волосы, чтобы характер выработывался... чтобы я тямтей-лямтей не росла.

Теперь мне стало понятно! А я-то всё удивлялась, куда подевались с её лица веснушки. Рыжая, а совсем без конопушек!

— Подожди, — остановила она меня, когда я, не зная, как отреагировать на её признание, собралась уходить. — У меня есть для тебя подарок. Дай руку и закрой глаза.

Через пару секунд девочка со смехом убежала. А я, открыв глаза, в оцепенении уставилась на сидящего на моей ладони холодного рыжего лягушонка. Не понимаю, почему я не визжала, брезгливо не стряхивала его в канаву... И почему я так и не узнала имени той золотой девочки?

Больше я её не встречала. Может, и вправду уехала она вместе с мамой на Дальний Восток и живёт себе там припеваючи, как самая настоящая царевна. А может, до совершеннолетия ютится в одном из детских домов нашей необъятной страны, куда её непременно отправили бы, если б мать не образумилась.

Скромно отпраздновав своё пятидесятипяatiletie, Паша по прозвищу Бегунок узнал о страшном диагнозе, поставленном ему участковым терапевтом. После этого он решительно направился в банк, а там, справившись с одышкой то ли от переживаний, то ли от спешки, снял со счёта накопившуюся немалую по его меркам сумму. Затем зашёл в кинотеатр, где приезжие коробейники торговали меховыми изделиями по скидкам, и купил жене норковую шубку аж за семьдесят тысяч рублей. Чтобы помнила.

По натуре Паша был человек мягкий, сговор-

чивый, в чужую жизнь не лез и в свою никого не пускал. Но иногда сам поражался возникающей в нём решительности, силе характера, будто был он не крохотным человечком, неприметно снующим по земле, а огромной шишкой на её коре, перечить которой и не пытайся.

Пашина супруга, не износившая в жизни ни одного даже цигейкового манто, рассердилась на мужа за сокрытие таких деньжищ, к тому же впустую потраченных, заупрямилась, не желая примерить, а не то чтобы носить богатый подарок.

Но Паша настоял на своём и потребовал, чтобы она не прятала шкурку в шкафу, из которого под ночь вылетала серебристо-пепельная моль, а повесила на виду и надевала каждый день, пока снег не сойдёт.

На дворе стоял непривычно тёплый март. Паше хотелось успеть полюбоваться на свою женщину, нарядную, из окна квартиры.

А ещё он не поленился — сбегал последний раз вприпрыжку в местный приют для бездомных животных и привёл оттуда молодую резвую собаку с симпатичной мордой и слегка косящим, как у жены, левым глазом. Чтобы, когда он крикнет, супруга по нему особо не убивалась, чтобы тоску её развеивала эта животино. Сколько жили вместе, не жалел её. А чего бабу-то, домохозяйку, жалеть?.. Да тут что-то такое нашлю: ком к горлу подкатывал, будто давился Паша этим непривычным для него чувством — ощутил ответственность за однажды доверившуюся ему простушку.

Вообще, не свойственные ему поступки даже слезу у Паши вышибали. А потом нет-нет и прослезится, когда вспомнит с умилением, как, не торгуясь, купил дорожную для провинции шубу, как тщательно осматривал собак, прежде чем в одну из них ткнул пальцем: эту беру!

Потом он уже не бегал, а спускался по лестнице медленно — аккуратненько так нёс себя, чтобы не встряхнуть ненароком диагноз, который способен быстренько поставить жирную точку в Пашином существовании. Перед подъездом прохаживался мелкими шажками, да и те будто стоили ему невероятных усилий, точно к каждой ноге его прицепил этот диагноз по пудовой гире. Затем, вздыхая, Паша опускался на скамейку и наблюдал за ребятишками, гомонивши-

ми на игровой площадке, которые прыгали по лужам, лазали по деревьям и ломали ветки. Прежде он обязательно сделал бы им замечание, а то и накричал бы: слезайте, мол, а то убьётесь, или прекратите безобразничать, природу, мать вашу, уродовать! Сейчас же Паша молча глазел на маляков и тосковал: уйдёт он, а на Земле ничего не кончится. Конец света, открыл он для себя истину, наступает для каждого индивидуально. Что, к примеру, он, Паша, ощутит, когда сделает последний вдох? И обязателен ли выдох? И где в его разлагающемся теле душа? Говорят, она бессмертна. Только он никогда о ней не задумывался. Схватит судорожно в последний раз земного воздуха... и всё! Будто и не было его никогда здесь. Слово навязчивую мошку, прихлопнет его жизнь. Или смерть схватит за шиворот и выбросит из жизни. Паша никогда столько не размышлял. Голова его с залысиной на темени готова была расколоться, лопнуть, как переполненный гелем воздушный шарик.

Бегунком Пашу прозвали в детстве. Как только он поднялся с четверенек и принял вертикальное положение, то не пошёл, а побежал, да так и пробегал более полувека. Худошавый, словно высушенный на солнце шурёнок, с удлиненным торсом и крепкими короткими ногами, темноволосый и кареглазый, молнией носился он по улочкам провинциального городка: на работу, с работы, на озеро порыбачить, в лес по грибы-ягоды, на огород за железной дорогой... Только б всюду успеть и не упустить из рук чего-то важного — того, что может к ним прилипнуть, если быть наготове!.. За день где его только не видели! До того момента бегал, пока крепко прихватившая его коварная болезнь под названием «цирроз печени» не заставила задуматься о завершении земных дел.

Паша отложил денег на похороны и памятник, сунув купюры под документы в верхний ящик такого же, как и он сам, старого, облезлого комода, покрытого вылинявшей скатертью, связанной когда-то супругой. И если раньше он принимал спиртное в меру, то теперь стал алкоголем злоупотреблять, выпивая в день бутылку, а то и больше, почти не закусывая. Чего продукты-то переводить?..

С работы Паша сразу уволился, поскольку

утратил к ней интерес — доживёт и на пенсию, благо на севере льготную дали. Часами сидел он, уставившись в телевизор, но не вникая в происходящее на экране, — размышлял о кознях судьбы, удивляясь, как быстро его кино закончилось и как печален финал: не мгновенно, а с мучением уходить ему.

«Как-то не по справедливости, — время от времени думал он, наблюдая из окна за женой, которая в норковой шубе выгуливала собаку. — Я ж не сняж какой-то, а нате вам — цирроз! Лучше бы уж инфаркт или под машину... Всё почетнее. Люди-то узнают, от чего помер — что скажут?..»

Супруга, стеснявшаяся себя в шубе, да ещё при плюсовой температуре, да с собакой, знакомым и даже незнакомым объясняла, что крыша поехала у Бегунка. Мол, он с диагнозом и при смерти, а она вынуждена подчиниться, чтобы не травмировать его напоследок.

Ласковая и послушная в квартире, собака на улице становилась неуправляемой. Получалось, что не хозяйка, с трудом удерживавшая поводок, её выгуливала, а она — хозяйку. Когда же супруги после получения пенсии несколько дней выпивали вместе — ссорились, мирились, прощались, — псина, довольная, носилась по городку сама по себе или в компании гулявших на свободе псов.

— Ты меня не кляни из-за собаки. Слышу-слышу, как соседям жалуешься: мол, сам заботы требует, да ещё собаку на меня повесил, на кой она мне сдалась!.. Поймёшь, что правильно сделал, когда помру. Она для тебя утешением будет, — увещевал супругу Паша.

— На кой оно мне, такое утешение!.. — сердилась та. — Обуза, а не утешение.

— А шуба!.. — продолжал он. — Дурында ты! Каждая баба о шубе мечтает.

— Много ты понимаешь в бабьих мечтах! — вопила захмелевшая половина.

— Цыц! — пресекал Паша пустые возражения. — Дай с чистой совестью уйти.

— Жарко в шубе. На улице теплынь! — ныла она, пытаясь достучаться до него.

— Жар костей не ломит, — парировал он.

А изрядно выпив, требовал:

— Иди сюда, баба, садись и слушай, что я тебе напоследок скажу...

И рассказывал долго и нудно, с мельчайши-

ми подробностями, будто больше ничего и не было в его жизни... Как в детстве ловил окушков на самодельное удилище, вырезанное из молодой осинки, очищенной от коры и слегка подсушенной на солнце, и как чешуя их переливалась на солнце всеми цветами радуги, когда Паша, заметив дрожание гусяного пёрышка, вставленного в кусочек пенопласта, выдёргивал рыбин из тёмной, местами бликующей воды глубокого лесного озера.

Когда супруга начинала дремать, Паша тыкал ей пальцем в бок, она вздрагивала и выкрикивала:

— Да слушаю я, слушаю!..

Пашины рыбацкие истории, обрастающие всё новыми и новыми подробностями, как то опутанное тиной да ряской озеро, закатое нынче в тиски хлопким болотом, закрывшим подход к берегу, супруга уже могла без запинки повторить.

Пашу не тошнило, отрыжки не замечал, боли в правом боку не ощущал. Аппетит подводил — так перед смертью это нормально. Надо сказать, о симптомах и аппетите он узнал от жены, а она — от знакомой санитарки из городского морга. Пашин цирроз, который он с почтительной осторожностью называл исключительно «диагноз», был молчалив, как и сам Паша, будучи трезвым. Он сдал необходимые компоненты организма на анализы, но в назначенное время за результатами на приём не явился. Чего уж там изводить себя!.. Ещё на первом же приёме докторша, пожилая безликая тётка, мельком взглянув на Пашу, сразу всё поняла: нос красный — значит, печёночник. И температура повышается, и давление скачет от этого.

— Водочку уважает, — сказала она медсестре.

— Кто ж её не уважает? — ответила та и поверх очков взглянула на окаменевшего Пашу как на очередного обречённого.

Вспоминал Паша умершего несколько лет назад от такого же диагноза приятеля, превратившегося под конец дней в пожелтевшего дистрофика с раздутым животом.

Когда жена, напялив шубу, отправлялась в магазин или выгуливать собаку, Паша, сбросив видавшую виды футболку, тщательно рассматривал своё тело в зеркале. А раньше-то он никогда

не уделял ему особого внимания — мужик ведь, не баба! «Лучше уж скорее помереть, чем в дождю превратиться!» — думал Паша.

В ожидании физических перемен он перестал спать ночами, а от не свойственного ему ранее раздражения страдала не только жена, но и он сам. Начинали «разбухать», как он говорил, виски и металось в груди сердце. Оно будто прозрело и, ударяясь о рёбра, пыталось достучаться до Паши, рассказать ему о чём-то важном. И тот поменял к нему отношение: ощутил своё сердце не как износившуюся мышцу, с трудом гонящую по забитым бляшками жилам кровь, а как нечто большее, обладающее сознанием. Сердце разговаривало с ним, но язык его, как ни вслушивался, напрягаясь всем телом, Паше был непонятен. Иногда оно плакало, и тогда Паша злился: чем нюни распускать, лучше бы помогло с диагнозом совладать, договориться или пари заключить. По свету белому побегать ему ещё ой как хотелось!

Вечерами, когда небо освобождалось от серо-фиолетовых туч, придвинув табурет к окну, Паша садился и наблюдал закат солнца над пятиэтажкой, стоящей напротив, за детским садом и гаражами. В марте закаты яркие, с преобладанием разных оттенков красного. В конце дня в игру небесных красок встревали серебристо-белые следы снующих над горизонтом реактивных самолётов. Паша размышлял: если есть жизнь за закатом, то какая она? И решил: а если есть и похожа на земную, то проживёт он её там совсем по-другому. Шубу жене подарит в загсе, чтобы смолоду привыкала носить добротные вещи, а не дешёвку на себя вешать... И детей нарожают, пусть себе гомонят в доме, прыгают по лужам, валяются в снегу, летают на ватрушках с ледяной горы, бегают на рыбалку... Не станут они с женой делать аборт в ожидании квартиры и достатка. «Не-е-ет, — сжимая голову теряющими былую силу ладонями, прерывал он не свойственные ему мысли. — За закатом ничего не-е-ет!»

Жена-то, дурочка, втюрилась в него ещё малолеткой. Когда Паша в армии служил, она, оканчивая восьмилетку, письма анонимные ему слала, в которых про жизнь деревенскую в подробностях рассказывала, про соседей и зна-

комых, а про себя ни слова. Адрес Пашиной части у матери его тайком списала: та обычно по-соседски звала её почитать весточку от сыночка. Демобилизовавшись, Паша с этими письмами явился к ней, а она от них отреклась, мол, знать ничего не знаю! Строптивая! А поступок её Пашу поначалу рассердил — зачем тогда к себе прилепила?!

Ну, раз писака пренебрегла им, загулял Паша с другой. Даже жениться собрался.

А сам-то дурнушку ту помнит. Высокая, жилистая, косоглазие и леворукость при ней, да только сердцу не прикажешь — всё больше сердце к ней прикипало.

В день записи пришли к сельсовету с невестой. Оглядел Паша толпу односельчан: а нет писаки. И что-то ёкнуло у него внутри.

— Паспорт забыл, сбегая за ним, — только и сказал Паша и дал дёру.

Понёсся к дому писаки. А та сидит на скамейке во дворе, у куста жасмина. Рядом коза. Ухватилась писака за рога, а коза вырывается. Заметив Пашу, выпустила рога, лицо руками закрыла и отвернулась.

Паша — к ней. В тот момент как-то само между ними всё и образовалось. Ничего другого не оставалось: умчались вместе на станцию, вскочили в первый проходящий поезд...

Месяца через полтора после оглашения докторшей приговора Пашу вызвали в поликлинику. История болезни оказалась и не продленной, и не закрытой. Терапевт лениво отругала его за наплевательство и, уставившись на стоящий перед ней чахлый кактус, выдала, что всё у него нормально, красный нос бывает не только у печёночников, да не такой уж он у него и красный — так, обветренный слегка, на улице ведь Паша вкальвает.

«Эх, поспешил денежки снять да потратить! — сокрушался Паша, возвращаясь домой. — Теперь снова придётся на работу устраиваться, снова копить золотые пиастрики...»

Хобби у него такое — душу греет каждая отнесённая на сберкнижку копеечка. Миллионов быть у него, конечно же, не могло, горбом ведь рублики добывал, но кое-что скопить удавалось. Для чего? Ну, чтобы было!

«Шубу — в шкаф, — решил Паша. — Листьев

герани — в карманы, и никакая моль на нюх к ней не подлетит. Собака? Да пусть себе живёт. Для разнообразия существования».

Бежал почти счастливый Паша по центральной улице городка, и люди удивлялись: надо же, Бегунок-то, оказывается, жив и по-прежнему резв! А говорили, будто совсем никакой, вот-вот коньки отбросит. Угадывая их мысли, Паша мысленно восклицал: «Шиш вам!» — и мысленно кукиш показывал встречным и отступившему «диагнозу» тоже.

У пешеходного перехода, что возле школы, где ребятам вбивают в головы азы наук, посмотрел направо, а налево на радостях не взглянул... Тут-то Пашу и настигла та, что с косой. Вылетела на него машина. Швырнуло Пашу через зебру, да так, что затылок его затрещал и бурая жидкость пролилась на асфальт.

Судьба оказалась благосклонной к его желанию...

В тот момент, когда Паша, взлетев, перечеркнул собой переход, собака, взвизгнув, сиганула вниз с балкона первого этажа и пропала.

На сороковой день после Пашиного ухода, не отбившись от обширного инфаркта, последовала за ним его возлюбленная. Похоронили её, как она сама завещала, под старой елью рядом с супругом, в подаренной им норковой шубе. Говорят, на их могилах люди видят иногда собаку и даже слышат, как она воеет, но как только пытаются пойти в её сторону, она исчезает, словно в воздухе растворяется.

МОЯ БЕЗЫМЯННАЯ

БАБУШКА

рассказ

Наверное, ничего удивительного нет в том, что спустя почти тридцать лет я не могу вспомнить её имени. Возможно, это первый сигнал такого общечеловеческого недуга, как старческий склероз. А может, и нет. Вполне вероятно, что я вообще не знала её имени и не придавала тому значения. Родные, соседи и знакомые называли её просто бабушкой. А в моей жизни она была единственной бабушкой. Других из-за ранней их смерти я знала только по рассказам мамы и отца.

Меня торжественно представили ей накануне нашей свадьбы с её внуком. Бабушка отличалась грузностью тела, потому с трудом передвигалась даже по комнате, а ещё ясным умом и каким-то радостно-мудрым или мудро-радостным восприятием окружающего мира и населяющих его людей. Глаза её, поблекшие от долгого созерцания света белого, удивляли пронизательностью. Казалось, она только взглянет разок и уже знает про человека всё: что было, что есть и будет, с какими мыслями он пришёл, с какими уходит.

— Мальчик родится, — заявила она как-то мне, едва мы остались наедине. — Правнука доведётся понянчить. Хо-ро-шо! Вижу, всё вижу, и слов не надо, — предупредила она мой недоумённый вопрос и добавила: — Серёжке ты нравишься и мне по душе пришлась.

Тогда о беременности даже жених мой ещё не знал. Я не могла допустить, чтобы до свадьбы она стала поводом для пе-

ресудов. Огорчать моих родителей тоже не стоило. Что они подумают о любимой доченьке, едва покинувшей родной дом и так глупо проколовшейся!

— Не переживай, — сказала бабушка, — секрет твоего я не выдам. Молчать буду, пока сама не объявишь.

Председатель сельсовета Людмила Ивановна, вскоре возглавившая районный отдел культуры, попросила меня задержаться после подачи заявления на регистрацию брака.

— Зачем тебе это? Подумай, Дора, пока не поздно, — сказала она. — Вы с Сергеем совершенно разные люди, точно с разных планет. У него нет перспектив. Вряд ли у вас что получится.

— Не переживайте, — ответила я, улыбнувшись, — слюбится, стерпится.

Я не переносила чьего-либо вмешательства в мою личную жизнь и наделала немало глупостей, пока сама сориентировалась в ней. Людмилу Ивановну я уважала, потому и не нагубила.

— Ну и дура, раз этим руководишься, — так напутствовала она меня.

Ноги бабушки во все времена года были в шерстяных носках и обрезанных подшитых валенках, поскольку не переносили ни жары, ни холода. На исходе лет требовали они такого вот комфорта. Тёмная сатиновая юбка, фланелевая в цветочек кофта, шерстяной платок на пояснище, ситцевый — на голове, — вот и весь наряд. Когда она выходила на крыльцо, то надевала новую фуфайку, выданную её дочери, обрубщице сучьев в леспромхозе, в качестве спецодежды.

Когда я одна или с мужем навещала бабушку, она усаживала меня рядом с собой и расспрашивала, не обижает ли меня её внук, не тяжело ли мне, чужой, в посёлке, много ли читателей в библиотеке, где я работаю, появились ли подружки и почему я так редко бываю у неё.

Я приносила бабушке гостинцы: когда — конфеты, когда — печенье. Мы пили чай с её любимым морошковым вареньем. Иногда в разговоре она как бы невзначай вставляла, что Серёжка-то неплохой, сердце у него доброе, и специалист хороший — лучшего тракториста в посёлке не найти, его только в руках держать надо.

— Говорила мне Люська, — (бабушкина дочь,

свекровь моя), — ты много книжек разных читаешь и язык иностранный учишь. Всё про любовь в книжках пишут или про что другое? — интересовалась бабушка.

Конечно же, читала я и про любовь, но больше меня привлекали книги из таких серий, как «Жизнь замечательных людей», «Эврика». Я рассказывала бабушке об удивительной стране Индии, о таинственном Тибете, о солёном озере Баскунчак, куда, как и на самое глубокое в мире озеро Байкал, я мечтала когда-нибудь съездить, о великих людях, живших на Земле, на которых мне очень хотелось походить.

Бабушка слушала и только головой покачивала. Я по её понятиям не укладывалась в тот социальный, как теперь говорят, формат, в котором существовала она и её близкие. Всеми силами стремилась я вырваться из болота, в котором по воле случая оказалась после окончания училища. И она это как никто другой понимала.

Бабушка родом была из-под Твери. Она утверждала, что на её родине грамотных людей гораздо больше, чем в Карелии, хотя жизнь там тяжелее. Здесь за работу платят хорошо, люди сытнее живут, времени свободного полно у них, потому многие вечерами да в выходные от скуки маются, ерундой всякой занимаются — вот как Серёжка, внук её.

— Приучила бы ты его книжки читать, — говорила она мне. — А то всё дружки да рыбалка, а там, сама знаешь, без бутылки не обходится. Как соберутся вместе, так и насоображаются.

Любимой едой бабушки была тюрка. Ассоциировалась она у меня с крайней нищетой и бродяжничеством. А бабушка нет-нет да и требовала у дочки:

— Люська, побалуй-ка нас с Дорой тюркой.

Ела она медленно, с непонятным для меня удовольствием, смакуя каждую ложку, отправляемую в рот, будто редчайший, дорогостоящий деликатес.

Первый раз я отведала этой похлёбки приличия ради. Потом, как говорила бабушка, распробовала. Тюрка оказалась вполне приемлемым блюдом, особенно перед зарплатой, когда в доме заканчиваются и продукты, и деньги.

А готовили тюрку так. Брали холодную колодезную воду, солили, крошили в неё ржаной

хлеб, нарезали лук репчатый, добавляли столовую ложку растительного масла, перемешивали и ели.

Умерла бабушка, ещё вполне крепкая старуха, скоропостижно. Вечером уснула, на рассвете не проснулась. Люська белугой ревела, то и дело бегая в кладовку опрокинуть стаканчик бражки, и чем больше опрокидывала, тем громче и дальше разносился её плач.

В день похорон с утра всё шло чин чинном. Я горевала о бабушкином уходе. Проводила на кладбище, бросила горсть земли на гроб с телом и отправилась в детский сад за ребёнком в так называемый новый посёлок. В правнучке своём — моём первенце — бабушка души не чаяла. На седьмом небе была, когда малыш улыбался и протягивал к ней ручки.

Пока я привезла сына домой, пока соседской девчонке объяснила, где что лежит и что делать, если он начнет капризничать...

В дом свекрови явилась я в самый разгар застолья. Народ уже напоминался, так что находился под хорошим градусом и в прекрасном расположении духа. Это были первые в моей жизни похороны близкого человека, а значит, и первые поминки.

Захмелевшие тётки быстренько усадили меня в красный угол, придвинули ко мне наполненную стопку, принесли из кухни тарелку,

положили котлету и голубец и велели до дна выпить за упокой бабушкиной души.

Не успела я толком пригубить, как подскочила свекровь моя, Люська, до этого бурно обсуждавшая что-то с соседями по столу и не упускавшая меня из виду. Она как заорёт! Взоры собравшихся обратились на меня. Оказалось, я, бесстыжая, уселась на бабушкино место и выпила её водку! Люська во хмелю любила подражаться. Её силой увели из-за стола, закрыли в кладовке, где, помимо продуктов, стоял топчан.

За столом дружно принялись обсуждать, чем обернётся подобное кощунство для меня. Спорили недолго. Кто-то затянул песню, другой подхватил, а кто-то пошёл приплясывать...

Пожилой сосед дядя Витя, с родинкой на четверть покрытой щетиной щеки, успокаивал меня:

— Да плюнь ты, Дорюня, на этих балаболок обезбашенных. Бабушка тебя любила? Любила. Плохого тебе не сделает.

Расстроенная, я искала мужа, чтобы увести его домой. А он, пьяный, в одежде и обуви спал в бабушкиной комнате на бабушкиной постели...

Через месяц, забрав ребёнка, нашу с ним одежду и книги, я навсегда покинула этот небольшой лесной посёлок. Что осталось в памяти о нём — так это никогда не унывающая бабушка, научившая меня готовить тюрю, разбираться в людях и с оптимизмом идти по жизни.

□

Светлана Яковлевна ЕПИФАНОВА

*окончила Карельское культурно-просветительное училище
(библиотечное отделение), Литературный институт
им. А. М. Горького (семинар А. И. Приставкина).*

*Работала в библиотеке, на радио,
в редакциях газет Суоярвского района.*

Пишет прозу, стихи.

*Публиковалась в журналах «Север», «Punalippi»,
в сборниках «Мария», «Встречи»,
«Жена, которая умела летать»,
«Остров любви», «Нерасторжимый круг».*

Участник фестиваля «Золотой запас «Севера».

Живет в Суоярви.

